

ГЛАВА 1

Некая важная персона прибыла в Ленинград 6 октября 43-го года. Кorteж из трех машин пронесся по дороге, соединяющей секретный аэродром с городом, и растворился в лабиринтах разрушенных улиц.

Город наводнили советские войска. На всем протяжении трассы стояли зенитные батареи. Переулки и развилки контролировали усиленные посты. Кorteж пропускали без проверки — поступил соответствующий приказ. Прибытие в город на Неве важного лица обставили со всей секретностью. Гость рисковал.

Не сказать, что небо над областью полностью контролировала вражеская авиация, но вероятность нарваться на немецкие штурмовики сохранялась. Блокаду частично сняли еще в январе. 67-я и 2-я Ударные армии одновременно перешли в наступление, освободили Шлиссельбург и очистили от захватчиков все южное побережье Ладожского озера. Вдоль берега образовался коридор шириной в десять километров — восстановилась сухопутная связь с горо-

дом. За семнадцать суток под огнем проложили автомобильную и железную дороги, и они не-медленно заработали. Все попытки противника вернуть контроль над ситуацией оканчивались неудачами. Наконец подошли резервы, коридор в ходе боев расширился, и осажденный город вздохнул свободно. Ленинград переходил к мирной жизни, всех желающих отправили в тыл. Противник ослабел, но пока еще не выдохся. Немцы укрепляли рубежи на южных подступах к городу, отражали атаки советских войск. Ленинград подвергался артиллерийским ударам, но их интенсивность слабела. И все же до полного снятия блокады оставались еще четыре долгих месяца...

Квартал, примыкающий к каналу Грибоедова, оцепили полностью — мышшь не проскочит. В городе действовал комендантский час. Редких прохожих разворачивали, транспорт пускали объездными дорогами. Гости разместились в здании, где до войны работал райком комсомола. Квартал охраняла рота НКВД. Неизвестно, были ли в курсе происходящего военные и гражданские власти (скорее всего, были), но встречи с ними сократили до минимума. Это была рабочая поездка, преследовавшая сугубо деловые цели. С южных окраин города доносились канонада, но здесь было тихо. В район канала давно не залетали мины и снаряды. Лунный свет озарял пробоины в зданиях и силуэты часовых.

Крытый брезентом грузовичок «ГАЗ-4» съехал с дороги и встал у бокового крыльца. Охраны было много, в лунном свете поблескивали автоматы «ППШ» с секторными магазинами. Водитель в третий раз предъявил документы. Лейтенант в фуражке с красным околышем заглянул в кузов — там сидели четверо. Он осветил их лица, задержался на бледном, резко очерченном женском лице. Барышня поморщилась, отвернулась от яркого света. Пассажиры носили офицерские шинели. Один был в звании майора, другой — капитаном, остальные же, включая женщину, являлись старшими лейтенантами.

— Ваши документы, товарищи, — сухо распорядился начальник охраны.

Он осмотрел предъявленные бумаги, сверил фото с лицами, снова задержался на женщине. Она была привлекательна, но лицо ее осунулось, а глаза поблекли от хронического недосыпания.

— Товарищ майор, пройдите в здание. Остальные остаются в машине. Соловьев, пропусти машину во двор, пусть там стоит.

Спорить было бесполезно. Лейтенанты, отягощенные инструкциями, — выше любого майора. Павел стал выбираться из машины.

— Бог в помощь, товарищ майор, — еле слышно прошептала Нина.

— Командир, все будет нормально, — выдохнул капитан Молчанов. — Хотя черт его разберет, что тут происходит...

— Прорвемся, товарищ майор, — вторил ему старший лейтенант Гриша Заречный. — Вы уж не посрамите там честь нашего ведомства!

Происходило нечто необычное. В вызове посреди ночи не было ничего странного, но чтобы развести такой туман секретности...

Майор спрыгнул на землю, одернул шинель. Рослый, русоволосый, плечистый, еще не успевший обрасти щетиной. Коллеги шутили: внешность представительная, полковничьи погоны на плечах смотрелись бы органично.

— Оружие сдайте, товарищ майор, — бросил начальник охраны. — И просим прощения — вас обыщут. Стандартная процедура. Шинель можете сдать дневальному в вестибюле.

Складывалось ощущение, что в Ленинград инкогнито прибыл сам Верховный главнокомандующий. Павел двинулся к крыльцу, часовой раскрыл перед ним дверь.

В холле было тихо. Здание райкома несколько лет не использовалось по назначению. Секретари, инструкторы и прочие сотрудники ушли защищать родной город. Выжили единицы. Райкомы партии и ВЛКСМ укрупняли, бюрократию сводили к минимуму. Здание фактически пустовало. Но в подвале работал дизельный генератор — урчал, словно спящий зверь. Глухо отдавались чьи-то шаги. Тени скользили в сумрачном пространстве.

Павел расстался с табельным «ТТ» и с верхней одеждой — в здании было на удивление тепло.

— Поднимитесь на второй этаж, товарищ майор, и ждите в коридоре, вас вызовут.

Ждать пришлось долго. Коридор освещал мутный свет. Он сидел на лавочке, придвинутой к стене. Конечности затекли, в голове витали беспокойные мысли. Он уже жалел, что не покурил перед отбытием — никотиновый голод ощущался все сильнее. Майор поднялся, прошелся, чтобы размять ноги. Часовой в глубине прохода напрягся, пришлось вернуться. Очевидно, важная персона прибыла не только по его душу (кому интересен обычный контрразведчик?).

Наконец вышел подтянутый военный с погонами подполковника и вежливо уточнил:

— Романов Павел Сергеевич?

— Так точно... — Он поднялся, пальцы машинально прижались к строчкам на галифе.

— Прошу. Вас ждут.

Меньше всего это смахивало на арест. Оснований не было (хотя когда это останавливало следственные органы?). Майор был в курсе происходивших в стране событий, но никогда не задумывался об их причинах и был послушным винтиком в отлаженной машине.

Он вошел в кабинет. Подполковник поосторонился, закрыл дверь с обратной стороны. Кошки скребли на душе, чесалась лопатка. А до нее невозможно дотянуться ни с какой стороны.

— Проходите, майор, присаживайтесь, — прозвучал усталый голос.

Кабинет принадлежал человеку с положением. Мужчина сидел за широким столом и размашисто что-то писал в свете настольной лампы. Какое-то время спустя он вставил перьевую ручку в чернильницу и поднял голову.

В горле у майора пересохло. Он ненавидел подобное состояние, когда мечтаешь оказаться где-нибудь подальше: под минометным обстрелом, под кинжальным огнем обозленных диверсантов. Впрочем, рога у представителя власти отсутствовали. Он был того же возраста, что и Романов, может, немного постарше, темноволос, имел небольшие залысины на лбу. Темные глаза разглядывали визави из-под густых бровей. Мужчину звали Виктор Семенович Абакумов, и он являлся бывшим начальником Управления особых отделов, а с апреля текущего года — начальником Главного управления контрразведки СМЕРШ, входящего в структуру наркомата обороны. Товарищ Абакумов подчинялся лично товарищу Сталину и считался непререкаемым авторитетом в узких кругах работников ведомства.

— Полагаю, вы меня узнали, майор? Представляться нет смысла?

— Никак нет, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга.

— Садитесь, майор, просил же...

Абакумов закрыл папку. Сверху положил другую, раскрыл ее. Стал читать, изредка поднимая глаза. Собственное личное дело Павел никогда не видел, так что выпала возможность

полюбоваться. Он неподвижно сидел на стуле. Его удивление росло. В происходящем было что-то абсурдное — где он и где влиятельный глава всемогущего ведомства!

— Чаю хотите? — спросил Абакумов.

— Спасибо, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, воздержусь...

Павел закашлялся. Абакумов пожал плечами.

— Дело хозяйское. На нет, как говорится, и суда нет...

Абакумов слегка улыбнулся. Этот человек тоже мало спал, вел беспокойный образ жизни, питался от случая к случаю. Вряд ли он прибыл в Ленинград только лишь затем, чтобы встретиться с майором.

— Постараюсь вас не задерживать, быстро введу в курс дела. Итак. Вы Романов Павел Сергеевич, тысяча девятьсот десятого года рождения, уроженец Ленинграда... Тогда еще, разумеется, Петербурга. В Гражданской войне по понятным причинам не участвовали. С тысяча девятьсот двадцать девятого по тысяча девятьсот тридцать второй годы проходили срочную службу в РККА, потом поступили в только открывшийся в Москве институт по подготовке дипломатических и консульских работников, — Абакумов оторвал голову от текста и с любопытством воззрился на собеседника, — куда в те годы активно набирали выходцев из рабоче-крестьянской среды. Но вы ведь у нас из другой среды... — Абакумов замолчал, как бы предоставляя слово собеседнику.

— Да, это так, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга. — Майор снова закашлялся, затем продолжил уже твердым голосом: — Я был единственным ребенком в семье. Отец и мать много лет провели на дипломатической службе. Отец работал с товарищем Воровским. В двадцать третьем году, когда Воровского убили в Лозанне, отец находился рядом с ним, он входил в число делегатов Лозаннской конференции. Супруга Вацлава Вацлавича умерла от потрясения, моя мама до последнего находилась рядом с ней. Я еще был мал, понимал немного. Отец работал в дипмиссии в Германии — тогда еще в Веймарской республике. Мама трудилась секретарем в посольстве. Потом мы переехали в Прагу, затем в Лондон. Отец быстро продвигался по карьерной лестнице. В Лондоне я посещал советскую школу при посольстве. Когда мы вернулись в Союз, отец преподавал в институте и мама работала там же. Я поступил в институт под их давлением — не испытывал тяги к дипломатической службе. Проучился два года и... решил не продолжать. Но иностранные языки родители в меня вбили.

— Прошу прощения, какими языками вы владеете? — перебил майора Абакумов. — Здесь указаны немецкий, английский и французский.

— Так точно, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга. С детства обладаю способностями к языкам. Английским

и немецким владею в совершенстве, французским хуже, но изъясняться могу... Отчислившись из института, я окончил офицерское училище. Потом работал в Особом отделе НКВД по Ленинградскому округу. Позже окончил школу особого назначения НКВД и получил звание капитана... Родители, к сожалению, погибли в тридцать шестом году — поехали в отпуск в крымскую Ливадию, взяли лодку, чтобы покататься, и далеко заплыли. Внезапно начался сильный шторм, лодку унесло в море... Потом ее нашли, перевернутую...

— Сочувствую, майор. Сергей Аркадьевич Романов — фигура известная в дипломатических кругах, преданно служил делу партии, был верным ленинцем. Но давайте про вас. С июня тысяча девятьсот сорок первого вы находились в действующей армии, служили в Особом отделе на Западном фронте, проявили себя с самой лучшей стороны. Когда в батальоне не осталось командиров, вы подняли людей и личным примером повели их на прорыв. Вы пробились через кольцо окружения и вывели сто человек. Впоследствии вас перевели на Ленинградский фронт, вы получили звание майора и возглавили Особый отдел стрелкового полка. Затем вас направили в город и бросили на борьбу со шпионами и диверсантами. У вас хороший послужной список, вы успешно выполнили все задания... Вы женаты? — вдруг задал Абакумов неожиданный вопрос.

— Никак нет, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга. Так случилось, что в данном направлении я успехов не добился.

— Ничего, за это не наказывают, — сухо рассмеялся Абакумов. — Семья — ячейка социалистического общества, но иногда ее лучше не иметь, чтобы потом не было мучительно больно... Как же так вышло, майор, с товарищем Нечаевым? — Абакумов иронично прищурился.

Холодок снова заструился по спине. Начальник Главного управления был дьявольски умен (иначе не сидел бы седьмой месяц в своем кресле), и невозможно было понять, что у него на уме. Абакумов вел себя подчеркнуто вежливо, интеллигентно.

С товарищем Нечаевым вчера произошел конфуз. Второй секретарь Василеостровского райкома партии, весьма шумный, бесцеремонный, в тяжелые блокадные зимы отсиживался в Костроме и появился в городе три месяца назад. С продуктами стало легче, интенсивность обстрелов снизилась в разы, отпала необходимость бороться с холодом в связи с началом летнего сезона. Вышли на него чисто случайно. Оперативный отдел обрабатывал шпионско-диверсионную группу, заброшенную в Ленинград в начале сентября. Ухватились за ниточку, выявили одного из фигурантов. Личность зафиксировали — фигурант проживал в коммунальной квартире на Васильевском острове. Военный,

прибыл в командировку. В соседнюю квартиру, в пустовавшую комнату, подселили Нину Ушакову — полезно иметь в группе женщину. Она выдала себя за вдову героически павшего командира зенитчиков и проследила за фигурантом. Каково же было изумление оперативников, когда они обнаружили в парке товарища Нечаева вместе с упомянутым фигурантом! Сидели на лавочке и делали вид, что незнакомы. Нечаев что-то передал сообщнику — видимо, записку с ценными сведениями. В момент задержания фигурант покончил с собой, а Нечаев орал, как оглашенный. Грозился всех упечь, ссылаясь на связи и на свое положение в партии. Когда ему предъявили лист бумаги с мелким текстом, стал орать пуще прежнего, что его подставляют, обещал принять решительные меры. В какой-то момент даже закралась мысль, уж не ошибка ли? Но товарища Нечаева стали раскручивать, и вскрылось такое, что у всех зашевелились волосы на голове. Первый секретарь райкома, просмотревший под носом такую гадину, попытался застрелиться, но пистолет дал осечку.

— Уверены, что поймали, кого нужно? — спросил Абакумов. — Увы, должность партийного секретаря не является залогом непогрешимости. Подобные дела следует расследовать с особой тщательностью, чтобы не очернять партию.

— Ошибки нет, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга. Нечаев свою вину признал. Немцы завербовали его че-